

*В память
о Реджине Антонии Марии Креспи
(1933–2017),
иммигрантке, швее
и любимой бабушке*

Спокойно спи, смотреть остерегайся
Назад; лети вперед, мечта, без промедленья
(В пустыне за тобой — столп соляной —
Безмолвный памятник сомненьям).
Спи, прошлое; грядущее, очнись
И уходи — тебе открыта дверь,
А вы, трусливые сомненья, спите дальше,
В вас нет нужды, о, только не теперь.
Набат бомбежки заменяет новогодний звон,
И до благих намерений — убитым дела нет:
Намеренья и блага оставьте для живых,
А мертвые — мертвы в тридцать восьмом.
Усни под плеск воды,
Наутро Завтра-реку перейдем, не побоясь глубин;
Не Стикс, не Лета перед нами,
Сегодня спим
У Рубикона — жребий брошен тут;
Настанет час платить по всем счетам,
Однажды солнце засияет снова,
И чаши в равновесие придут.

*Луис Макнис «Осенний дневник»,
часть XXIV*

ГЛАВА 1

ЭНН

*Англия, графство Эссекс, г. Баркинг
31 января 1947 г.*

Без четверти шесть Энн шагнула из мастерской в сумерки, а когда она добралась до дома, уже совсем стемнело. Обычно прогулка от станции ей нравилась — идти недалеко, зато можно проветрить голову после рабочего дня. Однако сегодня дорога домой не доставляла удовольствия: Энн дрожала от холода, пробиравшегося под пальто, а подошвы ботинок изнасились настолько, что с тем же успехом можно было идти босиком.

Завтра суббота. Энн отстоит очередь в мясную лавку, а потом, если останется время, заглянет к сапожнику. Он уже дважды чинил эти ботинки — на новую обувь у нее не хватало купонов. Если повезет, на следующей встрече «Женского института» удастся выменять не слишком поношенную пару.

Она свернула на Морли-роуд; лишь через несколько дней лунный свет будет освещать дорогу домой, а сейчас только память вела Энн сквозь ночь. Пара шагов — и она у двери. Отодвинув занавеску, которая защищала от зимних сквозняков, Энн щелкнула выключателем на стене и вздохнула с облегчением, когда прихожую залил теплый свет лампы. Накануне электричества не было с восьми часов вечера и до самого утра.

— Милли, это я! — окликнула она невестку.

В холодной гостиной стояла темнота, но из кухни доносились аппетитные запахи.

— Ты поздно!

— Поезда теперь ходят реже — видимо, ради экономии топлива. А вот пассажиров меньше не стало. Я целую вечность ждала на станции, пока смогла втиснуться в вагон.

— Ты слышала, завтра опять ожидается снег? Представь, что будет с поездами.

— Ох, не хочу даже думать!.. По крайней мере, пока не оттаю.

Энн повесила пальто и шляпку на шаткую вешалку за дверью и сняла ботинки.

— Ты не видела мои домашние туфли?

— Я забрала их сюда, чтобы согрелась.

Энн выключила свет и, подхватив сумку, прошла через гостиную в кухню. Милли стояла у плиты, приглядывая за маленькой кастрюлькой.

— Вчерашний картофель и овощи с последним кусочком окорока. — Милли с улыбкой мельком взглянула на Энн, затем наклонилась и открыла дверцу духовки. — Вот, держи. — Она протянула Энн домашние туфли. — Прекрасно прогрелась, и заметь, я их не сожгла.

— Ты прелесть. О-о, как замечательно!

— Так я и думала. Что принесла?

Энн над раковиной осторожно освобождала из газетного свертка небольшой глиняный горшок. Стряхнув прилипшую к нему землю, Энн приподняла горшок и показала Милли зеленые росточки.

— Это вереск. От королевы.

— Королева подарила вереск? Тебе?

— Не мне одной. Нам всем. Тем, кто работал над последним комплектом платьев. Они с принцессами берут эти наряды в Южную Африку. Было так много вышивки бисером!

Одно платье — его королева наденет на двадцать первый день рождения принцессы Елизаветы — расшито блестками почти полностью. Поэтому в знак благодарности нам прислали вереск из Шотландии.

— Не так уж велика эта благодарность. — Милли наморщила нос.

— Разве ты не видела, как вереск цветет? Красота невероятная! А это, между прочим, белый вереск. Одна из девушек сказала, он приносит удачу.

Милли вернулась к плите и продолжила помешивать еду.

— Думаю, все готово. Я разложу ужин по тарелкам, а ты можешь накрыть на стол.

— Хорошо, а еще я включу приемник. Послушаем семичасовые новости по радио «Лайт».

Отбытие королевской семьи в Южную Африку наверняка станет главным событием дня. Монархи, как известно, не из тех, кто просто прыгает в кеб с парой чемоданов. Если верить газетам, поездка должна начаться с процессии экипажей от Букингемского дворца до вокзала Ватерлоо, где король, королева и принцессы в сопровождении десятков слуг и помощников официально попрощаются с множеством сановников перед посадкой в поезд до Портсмута. А платья, костюмы и вечерние туалеты, которые помогала шить Энн, станут частью исторического путешествия.

Она работала на мистера Хартнелла уже одиннадцать лет. Пора бы привыкнуть к тому, что королева носит наряды, созданные руками Энн. Ее родных и друзей этим уже давно не удивить. Милли так и вовсе скептически смотрела на Энн, когда та приходила домой с горящими от возбуждения глазами.

А вот Энн решительно ничего не могла с собой поделаться. Она до сих пор не уставала изумляться. Ничем не примечательная девушка из Баркинга, она должна была, как многие другие, несколько лет трудиться на фабрике или в магазине, а

потом выйти замуж и посвятить себя супругу и детям. Но по прихоти судьбы Энн устроилась в мастерскую самого известного в Британии модельера, стала одной из лучших его вышивальщиц и работала над платьями, которыми восхищались и о которых грезили миллионы женщин.

Впрочем, все могло сложиться иначе. Когда четырнадцатилетняя Энн окончила школу, у нее не было денег на курсы секретарей или стенографисток. Поэтому она отправилась на биржу труда, где женщина с землистым лицом показала ей список вакансий. Одни названия наводили ужас. Помощник оператора швейного станка, подмастерье токаря, чистильщик паровозных двигателей. Энн в отчаянии перевернула страницу и прочитала:

«Ученица вышивальщицы, центральный Лондон, всему научим».

— Вот, — застенчиво сказала она, указывая на надпись. — «Ученица вышивальщицы». Что это за работа?

— Я знаю не больше твоего. Дай-ка посмотрю регистрационный номер... Верно, вакансия у Хартнелла, который шьет наряды для королевы.

— Для королевы?!

— Да, — отрезала женщина. — Тебе нужна работа или нет?

— Нужна! Только... я не очень ловко шью.

— Ты что, читать разучилась? Тут сказано: всему научат. — Она записала адрес на листе бумаги и сунула его Энн через стол. — Я позвоню и предупрежу, что ты придешь. Тебя будут ждать завтра к половине девятого. Не опаздывай. И вымой руки.

По дороге домой Энн едва не пританцовывала, так ей не терпелось поделиться важной новостью — Лондон! Королева! — Но ее мать только тяжело вздохнула.

— Вышивальщица, говоришь? Ты хотя бы нитку в иголку-то вдеть сможешь? Тебя выставят за порог после первого же стежка! Попомни мои слова, девочка.

— Меня будут ждать! На бирже труда не предложат другую работу, если я завтра не появлюсь в мастерской. Пожалуйста, мама! Иначе у меня будут неприятности.

— Поступай как знаешь. Но только туда и обратно, слышишь? Не вздумай шататься по Лондону, когда дома столько дел.

Энн уехала на рассвете — билет на ранний поезд стоил на шесть пенсов дешевле — и сидела на скамейке в парке Беркли, пока часы на Биг-Бене не пробили четверть девятого. Тогда она прошла по тихому переулку Мейфэра, остановилась перед нужной дверью и дрожащей рукой дернула за шнурок колокольчика.

Ей открыла девочка, на вид не старше Энн.

— Доброе утро.

— Доброе утро. Я по поводу работы. Ученица вышивальщицы.

Девочка с улыбкой кивнула и сказала, что Энн пришла по адресу, а затем повела ее наверх, чтобы встретиться с начальницей вышивальных мастерских.

Мисс Дьюли оглядела Энн с ног до головы и спросила, есть ли у нее опыт вышивания, на что та робко и честно ответила — нет. Мисс Дьюли такой ответ почему-то понравился, она удовлетворенно кивнула и сообщила Энн, что возьмет ее на работу, что платить ей будут семь шиллингов и шесть пенсов в неделю, а приступить нужно в следующий понедельник.

— Семь и шесть? — Ее мать усмехнулась, хотя столько не зарабатывала ни одна из школьных подруг Энн, устроившихся помощницами в магазины или стенографистками. — Весь заработок уйдет на дорогу.

В следующий понедельник Энн начала работать у Хартнелла и первые несколько месяцев жила как в тумане. Позже она поняла: мисс Дьюли выбрала ее именно потому, что Энн ничего не знала о вышивке, а значит, ее не пришлось переучивать. У Хартнелла всякую работу было принято делать

на совесть, приемлемым качеством считалось только совершенство, и никак иначе.

От бдительного ока мисс Дьюли не мог укрыться ни один изъян: если одна-единственная бусинка была пришита не той стороной, если на вышивке гладью топорщился один стежок, или даже если одна блестка оказывалась тусклее соседок — мисс Дьюли все замечала. А заметив, она приподнимала левую бровь, и на губах появлялась знакомая заговорщическая улыбка. Мисс Дьюли словно давала понять: я тоже когда-то начинала подмастерьем и совершала такие же ошибки.

Впрочем, складывалось впечатление, что она всегда была такой, как сейчас, женщиной, чья миниатюрная фигура словно возвышалась над работницами вышивальных мастерских. В ее голосе едва уловимо чувствовался слабый отзвук западного говора, а ярко-голубые глаза подмечали любую мелочь. Мисс Дьюли всегда держалась уверенно и с достоинством, что Энн находила успокаивающим.

— Сосредоточьтесь на работе, что у вас перед глазами, и остальное уладится само собой, — любила повторять мисс Дьюли. — Оставляйте свои заботы за дверью мастерской и думайте только о задании мистера Хартнелла.

С тех пор жизнь принесла Энн столько забот, что хоть отбавляй, и случались дни, — а то и целые годы, — когда следовать совету мисс Дьюли было почти невозможно. Летом тридцать девятого внезапно скончалась мать Энн. «Сердце», — заключил врач. Потом война, «Блиц»¹ и ужас той ночи, когда погиб брат. Ей сказали, что он обгорел до неузнаваемости, даже обручальное кольцо на пальце расплавилось.

Затем последовали годы несчастья, и в Энн окрепла уверенность, что ничего, кроме несчастья, у нее нет и не будет. Дом на Морли-роуд, мастерские у Хартнелла и безымянная пустота между ними. Черета серых дней и холодных ночей,

¹ «Блиц» — стратегическая кампания немцев по бомбардировке Лондона, 57 ночей подряд. (Здесь и далее прим. перев.)

полная воспоминаний о навсегда потерянных близких, тянулась так долго, что Энн уже перестала мечтать о другой жизни.

Часы в гостиной пробили семь, выведя ее из задумчивости. Энн стояла у стола, сжимая в руке несколько вилок и изо всех сил стараясь пробудить в себе аппетит к ужину, который приготовила Милли. Ей приходилось бороться с собой, поскольку окорок на самом деле был сгустком хрящей и жира, а овощи превратились в сероватую кашицу. Даже школьные обеды в детстве выглядели приятнее.

— Разве не ты хотела послушать радио? — напомнила Милли.

Большой старомодный радиоприемник в корпусе из орехового дерева стоял в гостиной справа от камина. Энн включила его и быстро накрыла на стол, оставив дверь в кухню открытой. Пока они поужинают и вымоют посуду, гостиная достаточно прогреется, чтобы провести там часик перед сном.

Едва они сели за стол, как беззаботная музыка на радио «Лайт» сменилась выпуском новостей.

«В последний день января — самого холодного за многие годы — Их Величества король, королева и две принцессы отправились в турне по Южной Африке...»

— Мне плохо слышно, — вдруг сказала Милли. — Я сделаю звук погромче.

— Да-да. Не шуми.

— ...собрались вдоль всего маршрута, чтобы помахать королевской семье на прощание, и каждый в этой толпе наверняка мечтал хоть на мгновение перенестись из лондонской стужи под жаркие лучи африканского солнца...

— Я бы ни за что не вышла им помахать, — пробормотала Милли. — Только не в такой мороз.

Словно отвечая на жалобы Милли, диктор перешел к теме погоды:

— Минувшей ночью температура воздуха в Лондоне опустилась до минус двадцати семи, что на десять граду-